

К пятидесятому дню мы обычно все завершали упражнения с пластинами не позже середины дня, даже с учетом второго круга по стене. Затем Гай обучал нас более продвинутому тайдзюцу. Связывать удары в комбинации, добавлять хай и лоу кики, тренировать захваты друг на друге.

Опять же, в теории все это мы проходили в Академии. Но академические стандарты сильно отличались от требований Гая.

— Это! — орал он на нас с привычной интенсивностью, — тренировка намерения! Выпрямиться!

Во время этого упражнения нужно было удерживать зрительный контакт, пока он стоял напротив, и, — пытаться, — отвечать на его взгляд с тем же напором. Иногда область под глазом дергалась, или бровь ходила ходуном, и сдержатъ смех стоило немалых усилий. Но стоило хоть кому-то прыснуть — и Гай заставлял нас всех начинать заново.

Спустя пару недель это почти вошло в привычку, стало почти рутиной. А потом мы по-настоящему ощутили Намерение Гая. Твердую уверенность, что стоящий перед нами мужчина способен размазать нас по стенке, даже не вспотев, закопать в безымянной могиле за пределами деревни... и ему это сойдет с рук.

Вместо простого испытания на социальную устойчивость или борьбы с желанием засмеяться, каждый из нас столкнулся с частичкой первобытного, до дрожи в коленках, ужаса, который Гай был способен вселить в нас без малейших усердий. Когда он проделал это впервые, никто из нас не выдержал. Пришлось долго приходить в себя, хотя он вернулся к «обычному» зрительному контакту почти мгновенно.

Нейджи впервые давалось хуже всех. Ли, как обычно, вошел во вкус мигом. Я плелся посередине.

Но как и во всем остальном — мы совершенствовались вместе и вместе же терпели неудачу.

«До-сражения» начались в середине третьего месяца нашей жизни в статусе генинов, под конец недели. Контакт не допускался: вместо оружия мы сжимали в руках маркеры. Так проще почувствовать дистанцию и темп боя. На высоких уровнях ниндзюцу и тайдзюцу одно

прикосновение может обернуться любой из смертоносных техник, примененных со скоростью мысли. Отсюда и это упражнение.

На следующей неделе, пообещал Гай, мы станем выбивать друг из друга дурь под его неусыпным надзором.

Мы с Ли перетаптывались туда-сюда, туда-сюда. Преимущество в росте позволяло мне задавать темп, но как я уяснил из мимолетного знакомства с фехтованием, ближайшая к противнику точка — его собственная рука. Почти танец: мои выпады встречали мерные отступления Ли, а он в свою очередь пытался заманить меня ложными рывками вперед, в надежде, что я потеряю равновесие.

— Может, музыку сюда? — съязвил Нейджи с края площадки.

И правда, будто тугая пружина связала нас двоих. Целые полчаса по ощущениям — а на деле секунд тридцать — прошли без малейшего изменения в расстоянии...

...и тут меня осенило. Мое гендзюцу ведь не прилипало, оно двигалось! С той же относительной скоростью, что и нервная система человека, в которую я запустил свою чакру.

Восторг прозрения разлился по венам. Одна небрежная печать — и черная полоса легла на глаза Ли. Он тут же замолотил маркером, пытаясь выставить стену из чернил, чтобы держать меня подальше. По предыдущим тренировкам он знал: резкие рывки и смены направления сбивают иллюзию. Видимо, надеялся, что очередной дерганый поворот головы стряхнет технику.

Но она держалась. А лишенный зрения Ли уже не мог толково защищаться — оставалось переждать пару ударов сердца, пока схлынет всплеск адреналина, и победа у меня в кармане.

— Отстой, — проворчал Ли. — Спасибо.

Я моргнул:

— А?

— Мне надо научиться сражаться против гендзюцу, Нобунага. — Ли смотрел мне прямо в глаза. — И ты мне поможешь.

Такая искренность, такая честность. Я не смог сдержать смешок.

— Что ж, а мне надо научиться применять гендзюцу в бою, Ли. И ты мне поможешь. Как только я их разработаю, ты узнаешь первым. — Я запнулся, передумав. — Ну, в первой тройке.

Зависит от того, кого увижу раньше. И э-э... предупреждаю заранее. Ты будешь часто проигрывать, Ли. Очень часто.

Ли одарил меня широченной улыбкой, в каждой черточке его позы — решимость безумца.

— Если бы я боялся проигрывать, то никогда не стал бы ниндзя.

Позади меня послышались тихие рыдания Гая.

— ЮНОСТЬ! — провыл он. — У МЕНЯ НА ГЛАЗАХ ТВОРИТСЯ ЮНОСТЬ! КАК ЭТО ПРЕКРАСНО!

— Уже моя очередь? — поинтересовался Нейджи. — Хочу размазать Нобунагу до ужина, пожалуйста.

Когда начались полноценные спарринги, ему не всегда удавалось меня размазать. Иногда он просто уделывал меня как бог черепахи. Бои обычно ограничивались тайдзюцу, и, хотя в Академии мы с Нейджи шли ноздря в ноздю по рукопашке, стоило добавить клановые техники — и я безнадежно отставал.

Уроки Гая, конечно, помогали. Но поскольку он натаскивал нас обоих, наши позиции относительно друг друга не менялись.

И все же мои схватки с Нейджи казались милой дружеской прогулкой по парку в сравнении с тем, что творилось, когда Нейджи спарринговал с Ли.

— Повторяю, — произнес он с нотками скуки. — Ты. Сдаешься?

— Я... — прохрипел Ли разбитыми губами; струйка крови закапала на землю. Руки, заблокировавшие десятки ударов, дернулись в тщетной попытке поднять тело. — Йеще... мгу...

Нейджи щелкнул его по лбу — как я иногда делал, когда Наруто впадал в детство.

— В настоящем бою ты был бы уже мертв, — безапелляционно заявил он. — Это не твоя вина, Ли. Ты явно стараешься изо всех сил, но факт остается фактом — ты родился ущербным

и против судьбы не попрешь.

Я покосился на Гая. Лицо — камень, но, похоже, вмешиваться он не собирался. Мое мнение о нем чуть упало.

— Просто... сда...

Моя ладонь впечаталась в затылок напарника.

Он обернулся, мрачно глянул на меня.

— Что ты творишь? Этот спарринг не...

— Против судьбы не попрешь, — произнес я как можно спокойнее. — Само время, как первостихия, обрекло тебя на неизбежное: прилетит по башке, если будешь вести себя с Ли как надменная сучка.

— Я просто озвучиваю голые факты, — прорычал Нейджи. — Судьба такова, что...

Я снова влепил ему пощечину, на сей раз тыльной стороной ладони. После чего он занес кулак.

— Судьба неумолима, — не унимался я. — Если сейчас на меня накинешься, за то, что заступился за Ли, Гай — вон он. Изгонит тебя, и деревня потеряет ценный кадр.

Взгляд Нейджи метнулся к нашему джонину — тот оставался все так же непроницаем. Медленно кулак опустился.

Поразительно, что он до сих пор не раскусил мою тактику. Но нет. Второй удар. Вторая щека отпрыска Хьюга полыхает алым.

— Судьба неумолима, — продолжал я. — Если не вобьешь сейчас в меня немного разума, Гай вышвырнет меня из команды и изгонит из деревни. И стану я тогда ужасным военачальником, Королем-Демоном Шестого Неба, и настанет день расплаты для Конохагакуре!

Челюсть Нейджи отвисла, он недоуменно прищурился. Краем глаза я заметил, как Гай одними губами повторяет «Король-Демон Шестого Неба» с вопросительным выражением на лице.

— Ч-что ты вообще несешь?

Из вежливости я проглотил слова «абсолютный кретин».

— Либо мы можем изменить судьбу, либо нет. Но верить в неё — бесполезно, как и ломать над ней голову. Если предначертанное и впрямь неизбежно, то наши потуги — сами часть неизбежного. А если мы способны... — я широко развел руки, — так почему бы не постараться плюнуть в глаза року?

Нейджи умолк. А потом...

— Ты и правда Дурак Конохагакуре, — наконец выдавил он.

— Слушай, — попытался я пойти на попятную. — Есть такая одна легенда, про человека по имени Сизиф...

— Гай-сенсей, можно мне сегодня уйти пораньше?

— Думаю, это допустимо, — кивнул наш наставник. — Завтра в обычное время.

Черт. Я ведь подбирался к сути, и суть эта была хороша! «В ожидании Годо» — моя любимая пьеса со старших классов. Экзистенциализм крут, и не потерплю о нем дурного слова.

— Нормально, Нобунага, — успокоил меня Ли, кое-как усевшись, прислонившись спиной к дереву. — Я его уделаю. Докажу, что он не прав.

— Нет, — медленно проговорил я. — Мы докажем, что он не прав. Нейджи мнит себя лучше двух сирот лишь потому, что у него есть клановые ресурсы, техники, репетиторы... любящая семья и поддержка... — я тряхнул головой, чтобы не увлечься этой темой. — В любом случае. Бьякуган или нет — нет такой техники, защиты или силы, которую нельзя победить, разгадать или попросту... обойти тому, кто достаточно умел и решителен.

Ли кивнул — или просто мотнул головой, оглушенный после мясорубки, в которую угодил.

— Думаешь, он не прав? Ну, насчет судьбы и предназначения?

Я не настолько туп, чтобы не уловить подтекст. Он спрашивал, прав ли Нейджи, называя его ущербным.

Не то чтобы я собирался напрямую касаться скрытого смысла. Во-первых, подтверждение, что Нейджи и правда считает напарника ущербным, — ущербным, что за хрень?! — отравит их отношения на годы, если не навсегда.

— Думаю, — произнес я, тщательно подбирая слова, — даже предначертания Небес можно преодолеть силой человеческой воли.

Что ж, теперь мне предстоит это доказать. Потому как до выходных еще четыре дня, а Нейджи жаждет крови уже сейчас.

<http://tl.rulate.ru/book/95171/4119400>